

МОСКОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЦЕРКОВНАЯ ГАЗЕТА

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Газета выходитъ разъ въ недѣлю. Годовая цѣна—3 р. 50 к. съ достав. и пересыл. 4 р. 50 к.; полугод. 2 р., съ достав. и пер. 2 р. 50 к.; за три мѣс. 1 р., съ дост. и пер. 1 р. 30 к.; за 1 мѣс. 40 к., съ дост. и пер. 50 к. Отдѣльные №№ по 10 к. Объявленія за строку, или мѣсто строки, за 1 разъ—10 к., за 2 раза—18 к., за 3 раза—24 к.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Епархіальной библіотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ редакціи—на Донской улицѣ, въ квартирѣ Ризположенскаго священника В. П. Рождественскаго, у книгопродавцевъ Ферапонтова и Соловьева; въ С.-Петербургѣ у Коралева и Сирикова.

Содержаніе: По вопросу о среднихъ и низшихъ духовныхъ школахъ. Воскресныя Бесѣды. Бесѣды вторая и третья. Внутреннее обозрѣніе. Рѣчь къ новобранцамъ. Относительно причинъ умножающихся самоубійствъ. О порядкѣ пересылки казенныхъ бумагъ по почтѣ священнослужителями. Высокопреосвященный Леонидъ, архіепископъ Ярославскій (некрологъ). Высокопреосвященный Антоній (некрологъ). Высокопреосвященный Афанасій (некрологъ). Пожертвованія бѣдствующимъ славянамъ. Отъ ректора семинаріи. Объявленія.

МОСКВА, 26 ДЕКАБРЯ.

Подводимъ итоги „Замѣтокъ статей въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ уставѣ духовныхъ семинарій и училищъ“.

1) „Желательно, чтобы семинарскимъ правленіямъ предоставлена была такая же самостоятельность, какая принадлежитъ гимназіямъ въ ихъ отношеніи къ попечителю учебнаго округа“.

2) „Желательно, чтобы избраніе ректоровъ семинарій совершалось съ участіемъ представителей епархіальнаго духовенства, число которыхъ должно быть равно числу избирателей отъ семинаріи“.

3) „Желательно, чтобы на кандидатовъ семинарскаго ректорства были не большія ученныя затребованія, чѣмъ на директоровъ гимназій и, кромѣ того, чтобы для нихъ не было обязательно принимать священныя санъ“.

4) Цѣлесообразно, чтобы роковые для наставниковъ семинарій и училищъ 25—30 лѣтъ службы распространялись и на ректоровъ и инспекторовъ семинарій и на смотрителей училищъ“.

5) „Совершенно справедливо и для успѣха дѣла должно наставниковъ семинарій сравнивать во всѣхъ отношеніяхъ съ учителями гимназій, а ректоровъ семинарій—съ директорами послѣднихъ“.

6) „Должно принять соответствующія мѣры къ тому, чтобы общеобразовательнымъ наукамъ въ училищахъ и семинаріяхъ дать такое же число уроковъ, какое каждая изъ нихъ имѣетъ въ гимназіяхъ, и чтобы число учебныхъ дней въ году въ первыхъ было такое же, какъ и въ послѣднихъ“.

7) „Наконецъ, наши духовныя училища слѣдуетъ или соединить, гдѣ это удобно будетъ, съ семинаріями, или же преобразовать ихъ въ духовныя прогимназіи или просеминаріи“.

Прежде всего, мы чувствуемъ нужду извиниться предъ достопочтеннымъ авторомъ, что, резюмируя его статьи, мы дозволяли себѣ сокращеніе ихъ не только чрезъ краткое изложеніе каждой изъ нихъ, но даже опускали

нѣкоторыя изъ нихъ. Это мы сдѣлали не потому, что бы опущенныя нами статьи не стоили вниманія, по нашему сужденію, но просто отъ того, что относительно ихъ мы не имѣемъ что либо замѣтить отъ себя. Но въ то же время, надѣемся, согласится съ нами и самъ авторъ, что выписанное нами гораздо важнѣе опущеннаго въ его статьяхъ для дѣла, о которомъ они трактуютъ. За тѣмъ мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по указаннымъ сейчасть пунктамъ.

Относительно перваго *желательно* едвали возможно какое сомнѣніе. Нужно принять здѣсь во вниманіе особенно то, что семинарскія правленія дѣйствуютъ въ настоящее время по очень подробно опредѣляющему и регулирующему ихъ дѣятельность уставу—какъ въ учебномъ и педагогическомъ отношеніи, такъ и съ экономической стороны и постановленія семинарскихъ правленій большею частію суть прямое, буквальное примѣненіе къ соответствующимъ случаямъ статей устава. Не должно забывать потомъ и того, что протоколы семинарскихъ рѣшеній время отъ времени подробно просматриваются членами—ревизорами духовно-учебнаго комитета, что должно рѣшительно сдерживать семинарскія правленія отъ постановленія такихъ рѣшеній и принятія такихъ мѣръ, которыя являлись бы хотя въ нѣкоторой мѣрѣ уклоненіемъ отъ устава. Наконецъ, по требованію того же устава, ректоръ семинаріи ежегодно представляетъ въ духовно-учебный комитетъ подробный отчетъ о состояніи подвѣдомственнаго ему заведенія по всѣмъ частямъ. Отчеты эти, разумется, и состоятъ въ извлеченіи изъ правленскихъ журналовъ, и такимъ образомъ духовно-учебный комитетъ по нимъ всегда можетъ видѣть и указать случаи, гдѣ семинарское правленіе превысило свою власть, уклонилось отъ прямыхъ указаній устава, приняло мѣры, несогласныя съ нимъ. Существующія отношенія между семинарскими правленіями и мѣстными архіереями, по которымъ никакое рѣшеніе, никакая мѣра не могутъ быть приведены въ исполненіе безъ утвержденія архіерея, можно думать, установлены

самими составителями устава только на время—съ одной стороны потому, что при началѣ преобразованія духовныхъ училищъ и семинарій уставъ ихъ былъ очень кратокъ, неполонъ, такъ что дополненія къ уставу въ настоящее время образуютъ книжку большей величины, нежели книжка устава, съ другой—потому, что семинарскія правленія были тогда созданія новыя, и потому совершенно благоразумно было на первое время ихъ дѣятельность во всѣхъ подробностяхъ подчинить контролю лица, столько же компетентнаго по власти, сколько близко стоящаго къ этимъ заведеніямъ. Но въ настоящее время, кажется, семинарскія правленія уже не нуждаются болѣе въ такой строгой опеки и имъ, кажется, можно было бы предоставить нѣкоторую долю самостоятельности, по крайней мѣрѣ такую, въ какой стоять гимназій къ попечителю учебнаго округа.

Что же касается втораго *желательно*, то, хотя совершенно справедлива мысль, что чѣмъ больше число избирателей и чѣмъ болѣе между ними лицъ, лично не заинтересованныхъ въ результатѣ избранія, тѣмъ избраніе должно совершаться правильнѣе, однако же проектируемый авторомъ порядокъ избранія *ректоровъ семинарій* можетъ встрѣтить нѣкоторое возраженіе. Возраженіе это должно идти, впрочемъ, не съ точки зрѣнія *statu quo* нашихъ духовныхъ семинарій, а изъ принципіальной. Хотя на дѣлѣ наши духовныя семинаріи суть заведенія сословныя,—заведенія для образованія дѣтей духовенства, потому что воспитанники въ нихъ почти исключительно суть дѣти духовенства, однако же *de jure* духовныя семинаріи суть учебно-воспитательныя заведенія для приготовленія пастырей церкви, и въ нихъ могутъ поступать дѣти изъ всѣхъ сословій, точно также какъ священно-церковно-служителямъ можетъ быть желающій и достойный изъ всякаго сословія. Если такъ, то на какомъ юридическомъ основаніи должно допустить къ участию въ избраніи ректора семинаріи представителей мѣстнаго духовенства? Заведеніе это юридически существуетъ для нихъ столько же, сколько и для другихъ сословій той же губерніи. Мы знаемъ, какимъ возраженіемъ встрѣтится это наше слово; скажутъ: однако же самъ уставъ духовныхъ семинарій призываетъ къ участию въ управленіи послѣдними представителями духовенства? Совершенно справедливо; но намъ думается, что это есть одна изъ уступокъ старинному, до преобразованія духовно-учебныхъ заведеній существовавшему порядку вещей и вмѣстѣ одно изъ противорѣчій въ новомъ уставѣ послѣднихъ (а также и въ воззрѣніяхъ нашего автора, который, проектируя вмѣсто духовныхъ училищъ духовныя прогимназій или про-семинаріи, высказываетъ желаніе, чтобы наши духовныя училища потеряли свое сословное назначеніе—быть учебными заведеніями для первоначальнаго образованія дѣтей духовенства, какъ гласитъ первый параграфъ устава этихъ училищъ). Просимъ однако не такъ понимать наши слова, что какъ будто бы мы желаемъ изгнанія изъ семинарскихъ правленій представителей духовенства. Напротивъ, ихъ участіе въ дѣлахъ управленія семинаріями совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительному состоянію этихъ заведеній, точно также какъ настоящее положеніе семинарій совершенно соотвѣт-

ствуетъ и матеріальному положенію духовенства, и настоящимъ церковнымъ нуждамъ¹⁾. Мы только отмѣчаемъ направленіе и характеръ мыслей нашего автора и хотимъ сказать, что его проектъ избранія ректоровъ семинарій не стоитъ на томъ пути, на который уже выступили составители новаго устава; онъ болѣе соотвѣтствуетъ существу прежнихъ семинарій, хотя тогда этого и не было, потому что вообще не было выборнаго управленія. Призвать къ такому широкому участию въ дѣлахъ семинарій духовенство значило бы привнести въ уставъ еще одинъ параграфъ, сообщающій семинаріямъ характеръ сословныхъ заведеній.

Третье благожеланіе нашего автора относится къ семинарскому ректорству. Въ этомъ случаѣ намъ, прежде всего, думается, что существующій ученый цензъ для полученія этой должности установленъ помимо педагогическихъ цѣлей, которыя, между тѣмъ, должны бы быть въ данномъ случаѣ единственными основаніями для установленія условий полученія должности начальника учебнаго заведенія. Что лица, получившія высшее образованіе, безусловно должны быть признаны болѣе надежными педагогами, нежели воспитанники средних учебныхъ заведеній, это очевидно. Но чтобы магистерство когда нибудь могло быть вѣрнымъ залогомъ, что лица, имѣющія эту ученую степень, суть непременно дѣльные воспитатели, этого никто не станетъ утверждать; равнымъ образомъ никто не скажетъ и того, чтобы относительно кандидатовъ академіи когда нибудь было замѣчено, что на учебно-педагогическомъ поприщѣ они, вообще, оказываются слабѣе магистровъ. Даже большая или меньшая ученость бывшихъ воспитанниковъ академіи, вообще говоря, не распределяется сообразно съ этими степенями. Такъ было еще при прежнихъ порядкахъ полученія этихъ ученыхъ степеней въ академіяхъ; про настоящее же время и говорить нечего. Можно догадываться, что установленіе высокаго ученаго ценза для семинарскаго ректорства вызвано учеными цѣлями,—чтобы въ этомъ имѣть одно изъ средствъ привлекать, при настоящихъ академическихъ порядкахъ, молодыхъ людей къ магистерству. Но какъ и все, не имѣющее своего основанія въ существѣ дѣла, это установленіе не устоитъ: обѣдненіе магистрами само собою вызоветъ необходимость обратиться за кандидатами на семинарское ректорство къ кандидатамъ академіи, а потому едва ли нужно объ этомъ много хлопотать и разсуждать. Гораздо труднѣе для рѣшенія другой вопросъ, сюда относящійся: должно ли желать, чтобы ректорами семинарій были не только протоіереи, но и свѣтскіе люди? Что ряса не дѣлаетъ

¹⁾ Въ настоящемъ положеніи семинарій, какъ оно опредѣляется уставомъ, замѣчательно то, что казеннокостныя стипендіи въ нихъ существуютъ не для какихъ либо другихъ воспитанниковъ, а именно для дѣтей духовенства. И это совершенно и справедливо и благоразумно: справедливо, потому что духовенство наше при своей бѣдности нуждается въ помощи отъ правительства въ воспитаніи своихъ дѣтей, а также потому, что именно оно, а не другое какое сословіе, доставляетъ кандидатовъ священства; благоразумно, потому что въ противномъ случаѣ и духовенству не было бы расчета вести своихъ дѣтей въ семинаріи, и тогда церковь находилась бы въ опасности обѣднѣть отъ кандидатовъ священства. Сюда же должно быть отнесено и такъ же оцѣниваемо и дозволеніе устава открывать при семинаріяхъ епархіальныя параллельныя классы.....

человѣка ни болѣе ученымъ, ни болѣе способнымъ быть начальникомъ заведенія, это—само-собою понятно. Но чтобы для духа и характера заведенія было безразлично, будетъ во главѣ его стоять облеченный священнымъ саномъ, или свѣтскій человѣкъ, съ этимъ едва ли всякій согласится. Авторъ указываетъ на то, что въ настоящее время преподавателями богословскихъ наукъ состоятъ свѣтскіе люди. Но ректоръ въ заведеніи важенъ не какъ преподаватель, а какъ воспитатель. И для заведенія, которое имѣетъ своею задачею воспитывать пастырей церкви, совершенно справедливо желать, чтобы во главѣ его стоялъ человѣкъ, который имѣлъ бы возможность показывать въ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ образецъ достойнаго пастыря церкви: въ строгости соблюденія церковныхъ установленій, въ благоговѣйномъ предстоіаніи и служеніи въ храмѣ Божиѣмъ, въ усердномъ и сердечномъ церковномъ учительствѣ. Авторъ говоритъ, что онъ въ томъ только случаѣ призналъ бы разумнымъ постановленіе, чтобы ректорами семинарій были непременно протоіереи, если бы на обязанности ректоровъ лежало обучать воспитанниковъ чину богослуженія. Но, конечно, онъ самъ понимаетъ, что въ образованіи истиннаго пастыря обученіе чину богослуженія—последнее дѣло, которому можетъ обучать и неучившійся въ семинаріи священникъ. Важенъ духъ истиннаго пастырства, и если справедливо, что съ этой стороны человѣкъ не дѣлается, а воспитывается, и что для воспитанія самое большое значеніе имѣетъ примѣръ, то совершенно основательно желать для семинарій ректоровъ—протоіереевъ. Свѣтскій человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ по своему складу и характеру религиозенъ, въ соблюденіи религиозныхъ установленій всегда будетъ выступать предъ глазами воспитанниковъ, отчасти, какъ чиновникъ,—потому что у него нѣтъ способовъ вполне проявить свое внутреннее, религиозное существо. Ректоръ же—протоіерей всегда выступаетъ предъ глазами дѣтей прежде всего, какъ отецъ. Скажутъ, что въ такомъ случаѣ желательно, чтобы и инспекторами семинарій были непременно облеченные священнымъ саномъ, потому что и на ихъ обязанности лежитъ прежде всего воспитательная часть заведенія? Отвѣчаемъ: инспекторъ во всѣхъ заведеніяхъ, въ частности и въ духовныхъ семинаріяхъ, выступаетъ прежде всего, какъ *блжститель* установленныхъ въ заведеніи порядковъ; чиновничій элементъ присущъ этой должности, такъ что отъ него не освободить ее ряса. Разумѣется, все это мы говоримъ съ идеальной точки зрѣнія; въ жизни же дѣйствительной часто бываетъ не такъ. Но вѣдь мы не сравниваемъ наилучшаго, наилучшаго ректора-протоіерея съ плохимъ ректоромъ—человѣкомъ свѣтскимъ; мы сравниваемъ равныя величины. И такъ, какое же основаніе желать, чтобы ректорами семинарій могли быть и свѣтскіе люди? Единственно то, что чрезъ это увеличился бы контингентъ вполне достойныхъ кандидатовъ на ректорскую должность. Но—уничтожьте слишкомъ высокой учены цензъ для полученія этой должности, улучшите положеніе ректоровъ семинарій, и матеріальное и политическое, достаточно обезпечьте ихъ будущее,—и тогда вы получите вполне удовлетворительное число лицъ, желаю-

щихъ и способныхъ быть начальниками заведеній и въ то же принимающихъ священнической санъ по внутреннимъ побужденіямъ, а не изъ-за ректорства.

„Цѣлесообразно, чтобы роковые для наставниковъ семинарій и училищъ 25-30 лѣтъ службы распространялись и на ректоровъ и инспекторовъ семинарій и на смотрителей училищъ“,—такъ формулировали мы одно изъ положеній автора статей „о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ уставѣ духовныхъ училищъ и семинарій“. Положеніе это онъ доказываетъ, исходя изъ той послылки, что если, по признанію устава, 25-30-ти лѣтняя служба на педагогическомъ поприщѣ подвергаетъ сомнѣнію годность къ этой службѣ наставниковъ училищъ и семинарій, то такое же значеніе указанное количество лѣтъ службы должно бы имѣть тѣмъ болѣе для начальниковъ этихъ заведеній. Сдѣланное авторомъ заключеніе изъ указанной послылки совершенно вѣрно. Но онъ не вошелъ въ оцѣнку достоинства самой послылки, а призналъ безъ разсужденій за несомнѣнную истину, что существующій въ семинаріяхъ и училищахъ порядокъ, по которому наставникъ послѣ 25-30 лѣтъ службы долженъ выходить въ отставку, представляетъ собою необходимую мѣру къ тому, чтобы эти заведенія избавлять отъ лицъ дряхлыхъ, отсталыхъ и на мѣсто ихъ призывать къ дѣлу свѣжія педагогическія силы. Но такъ ли это? Мы сомнѣваемся. Правда, таковой же законъ существуетъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—академіяхъ и университетахъ, и потому на первый разъ представляется, что тѣмъ болѣе это должно быть примѣнено къ педагогическимъ силамъ въ средней и низшей школѣ. Однако здѣсь не важенъ рангъ службы; важно здѣсь то, какъ обставлена эта служба со стороны контроля. Еслибы сужденіе о томъ, годенъ или не годенъ къ продолженію службы извѣстный наставникъ, прослужившій 25 лѣтъ, принадлежало только лицамъ, стоящимъ къ нему въ жизненномъ отношеніи, то нѣтъ сомнѣнія,—должна быть установлена извѣстная временная норма, далѣе которой не должна продолжаться служба, но семинаріи и училища,—не говоря уже о томъ, что они находятся подъ ближайшимъ наблюдениемъ мѣстныхъ епархіальныхъ начальниковъ, по отношенію къ которымъ нельзя придумать основаній, въ силу которыхъ они стали бы церемониться съ наставниками или небрежными, или отжившими свой вѣкъ,—время отъ времени посѣщаются членами—реvisорами духовно-учебнаго комитета—лицами, совершенно сторонними къ ревизуемымъ заведеніямъ, которыя поэтому не имѣютъ никакихъ побужденій мирволить небрежности и отсталости. Извѣстны уже нѣсколько случаевъ, когда не только наставники училищъ и семинарій, но даже начальники этихъ заведеній были увольняемы именно по представленію ревизоровъ. Поэтому мы думаемъ, что нѣтъ основаній устанавливать роковое число лѣтъ службы не только для ректоровъ и инспекторовъ семинарій и смотрителей училищъ, но и для наставниковъ этихъ заведеній. Это нужно было бы сдѣлать только въ томъ случаѣ, еслибы 25—30 лѣтняя служба педагогическая безъ исключенія всякаго дѣлала негоднымъ къ продолженію службы. Но извѣстно, что то

и дѣло встрѣчаются исключенія.—Къ этому мы прибавимъ еще замѣчаніе, что, устанавливая роковое число лѣтъ службы для ректоровъ и инспекторовъ семинарій и смотрителей училищъ, мы одною рукою разрушали бы то, что другою стараемся создать. Нашъ авторъ совѣтуетъ обставить службу указанныхъ должностныхъ лицъ такими условіями, чтобы на эти должности и могли и желали поступать достойныя и способныя лица въ возможно большемъ числѣ. Но понятно само собою, что при указанномъ условіи желающіе будутъ обрѣтаться только среди наставниковъ училищъ и семинарій, такъ какъ для нихъ въ этомъ случаѣ только и происходитъ увеличеніе жалованья и пенсіи и повышеніе почину. Что же касается стороннихъ къ этимъ заведеніямъ лицъ, то очевидно, что для тѣхъ изъ нихъ, которые лѣтъ 10—15 находятся вообще на службѣ, нѣтъ никакихъ резоновъ перемѣнять настоящую службу на такую, которую они непремѣнно—безъ отношенія къ ихъ усердію и способностямъ—должны оставить лѣтъ чрезъ 10—15-ть. Развѣ предъ этимъ избираемое лицо будетъ занимать уже слишкомъ плохое по матеріальному обезпеченію мѣсто службы. Но это рѣдко бываетъ. Наконецъ, если ужъ думать вмѣстѣ съ нашимъ авторомъ, что инспекторы семинарій, подобно съ характеромъ ихъ должности, требующей отъ нихъ полной крѣпости силъ физическихъ, живости и подвижности (такъ какъ, по уставу, безъ ихъ глазъ ничто не должно совершаться въ заведеніяхъ), должны оставлять службу послѣ 25—30 лѣтъ; то тѣмъ болѣе это должно бы установить по отношенію къ помощникамъ инспекторовъ... Опускаемъ безъ разсмотрѣнія 5-е, въ нашемъ изложеніи, положеніе автора—о необходимости уравнять служащихъ при семинаріяхъ и училищахъ во всѣхъ отношеніяхъ съ служащими при гимназіяхъ, такъ какъ правительство уже удовлетворило этому требованію недавно объявленнымъ на этотъ счетъ „Положеніемъ“, и теперь приходится говорить ужъ объ этомъ „Положеніи“.

„Должно принять,—говоритъ далѣе авторъ,—соответствующія мѣры къ тому, чтобы общеобразовательнымъ наукамъ въ училищахъ и семинаріяхъ дать такое же число уроковъ, какое каждая изъ нихъ имѣетъ въ гимназіяхъ, и чтобы число учебныхъ дней въ году въ первыхъ было такое же, какъ и въ гимназіяхъ“. Первое требованіе совершенно справедливо, но только авторъ не указалъ, какимъ образомъ этого можно достигнуть. Очевидно, этого можно достигнуть (и то не вполне, такъ какъ въ ряду предметовъ общеобразовательнаго курса въ духовной школѣ есть такіе, какихъ нѣтъ въ гимназіяхъ) только чрезъ то, что если въ семинаріяхъ и училищахъ установить не четыре, какъ теперь, а пять урочныхъ часовъ—каждый урокъ въ 1 часъ, вмѣсто теперешнихъ уроковъ по часу съ четвертью. Этого и слѣдуетъ желать, и такая перемѣна имѣла бы не только педагогическое значеніе, но и была бы справедливою по отношенію къ вознагражденію наставниковъ за ихъ труды: въ противномъ случаѣ, хотя бы жалованье дали имъ равное съ жалованьемъ преподавателей гимназій, уравненія ихъ съ послѣдні-

ми далеко не произойдетъ, такъ какъ жалованье сообразуется только съ числомъ уроковъ, а не съ продолжительностію ихъ, и, кроме того, чѣмъ продолжительнѣе уроки, тѣмъ меньшее ихъ число возможно дать въ каждый день, а слѣдовательно и въ цѣлую недѣлю и въ цѣлый годъ.—Что же касается втораго требованія нашего автора въ выписанномъ сей часъ его положеніи, то мы не понимаемъ, какимъ образомъ разсужденіе по такимъ незначительныхъ, маловажныхъ для успѣха дѣла вещахъ могло войти въ столь серьезное изслѣдованіе, какъ изслѣдованіе нашего автора. Стародавняя привычка училищъ и семинарій дѣлать отпускъ учениковъ днемъ ранѣе положеннаго уставомъ, а ученье начинать послѣ каникулъ днемъ позже,—дѣйствительно, продолжается еще кое гдѣ дѣйствовать, (хотя мы и сомнѣваемся, чтобы въ преобразованныхъ семинаріяхъ и училищахъ этотъ обычай практиковался въ такихъ размѣрахъ, какъ это рисуетъ нашъ авторъ, такъ какъ, напротивъ, замѣчается, что въ такихъ заведеніяхъ все болѣе и болѣе воцаряется духъ строгой дисциплины и формализма, иногда даже—къ сожалѣнію—внутренняго и живаго отношенія къ дѣлу, основаннаго на сознаніи долга). Точно также справедливо и то, что хорошо было бы вовсе уничтожить масляничныя каникулы (хотя время и нравы предъставляютъ для этого немалыя препятствія, такъ что въ существованіи этихъ каникулъ учебныя заведенія виноваты развѣ на половину). Но что значитъ въ ходѣ учебнаго дѣла за цѣлый годъ прибавка 1—2 учебныхъ недѣль? Гораздо интереснѣе въ данномъ случаѣ вопросъ: почему то самое духовенство, которое совершенно исправно посылаетъ своихъ дѣтей послѣ каникулъ въ гимназіи, не относится также строго къ семинаріямъ и училищамъ,—дозволяетъ своимъ дѣтямъ въ этомъ случаѣ гостить у себя одинъ—другой лишній и чрезъ это поставляетъ преподавателей въ необходимость въ первые учебные дни послѣ каникулъ кое чѣмъ занимать воспитанниковъ, явившихся къ сроку, чтобы не дѣлать опущеній для неявившихся? Не отъ того ли, что духовенство считаетъ училища и семинаріи своими заведеніями, относительно которыхъ оно вправѣ произносить приговоръ общественнаго мнѣнія и въ которыхъ оно привыкло встрѣчать всякое снисхожденіе своимъ дѣтямъ? Намъ припоминается тутъ проэктированный авторомъ порядокъ избранія ректоровъ семинарій.

Мы достигли, наконецъ, самаго главнаго и важнаго вопроса въ изслѣдованіи нашего автора,—вопроса объ училищахъ. Мысль, что училища слѣдуетъ присоединить къ семинаріямъ, по отношенію къ которымъ онѣ и должны представлять собою первую половину общеобразовательнаго курса, лишь съ недавняго времени стала заявляться въ печати. Но это не значитъ, чтобы столь естественная мѣра къ улучшенію нашихъ училищъ доселѣ никому не приходила въ голову. Напротивъ, мы думаемъ, что едва ли у кого она сама собою не зарождалась, какъ скоро начинаютъ думать о нечальномъ положеніи нашихъ духовныхъ училищъ и о мѣрахъ къ ихъ улучшенію. Если она до сихъ поръ мало развивается въ печати, то это происходитъ, мы думаемъ, отъ сознанія великости имѣющаго произойти

отсюда переворота и отъ предположенія, что для совершенія его нѣтъ средствъ. И это предположеніе не безосновательно, —небезосновательно даже и послѣ систематическихъ выкладокъ нашего автора, направленныхъ къ тому, чтобы доказать возможность означенной духовно-учебной реформы съ финансовой стороны. Во первыхъ, мы замѣтили, что эти его выкладки не обладаютъ точностію: такъ, напр., высчитывая, сколько сбережется денегъ отъ уменьшенія смотрительскихъ мѣстъ и жалованій (черезъ соединеніе училищъ или съ семинаріями или же между собою), авторъ для опредѣленія общаго числа беретъ смотрительское жалованье не въ 900 руб., которые сей часъ получаютъ смотрители училищъ, какъ бы слѣдовало, а въ 1500 руб., каковую цифру онъ проектируетъ для будущихъ смотрителей (25—30 смотрительскихъ жалованій по автору равняется сохраненію 37—45 тысячъ руб.) Кромѣ того, одно изъ рекомендуемыхъ имъ средствъ сбереженія денегъ такого рода, что желательно, чтобы никогда имъ не покушались пользоваться. Мы говоримъ о совѣтѣ автора сократить расходы на казеннокоштныхъ учениковъ, уменьшивъ число казенныхъ стипендій въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, ибо это значило бы сократить число воспитанниковъ семинарій и слѣдовательно кандидатовъ священства. Если напр. въ Полоцкой семинаріи всѣ ученики были на казенномъ содержаніи, то это на другомъ языкѣ значить, что въ Полоцкой семинаріи было только столько учениковъ, сколько есть въ ней казенныхъ стипендій, и желающихъ обучаться въ ней при своемъ содержаніи не было. О другихъ же семинаріяхъ, гдѣ только въ иной годъ и только стипендіи двѣ-три остаются лишними и отдаются дѣтямъ безбѣдныхъ родителей, не слѣдуетъ и упоминать. Во вторыхъ, авторъ вовсе не принялъ въ расчетъ, что въ случаѣ присоединенія училища къ семинаріи ли или къ другому училищу потребуются такая значительная перестройка увеличенныхъ числомъ воспитанниковъ заведеній, которая и въ половину не можетъ покрыться продажей опустошенныхъ училищныхъ зданій, потому что кромѣ классныхъ комнатъ здѣсь нужно будетъ устроить общежитія: чѣмъ далѣе дѣти малаго возраста, вслѣдствіе централизаціи духовныхъ школъ, будутъ удалены отъ своей родины, слѣдовательно отъ мѣстности, гдѣ у нихъ имѣются родственники и знакомые, тѣмъ болѣе будетъ надлежать нужда въ общежитіяхъ; слѣдуетъ всевозможно заботиться о томъ, чтобы не отдавать малолѣтнихъ дѣтей на сѣденіе квартирной жизни. Въ третьихъ, авторъ не беретъ во вниманіе и того, что воспитаніе дѣтей наравнѣ съ семинаристами будетъ обходиться и для правительства и для родителей гораздо дороже настоящаго времени: кто бы ни уплачивалъ за ученика, но уже съ 10 лѣтняго возраста придется выдавать за него ежегодно руб. по 100. Въ четвертыхъ, какъ скоро училища присоединить къ семинаріямъ, хотябы только нѣкоторыя, то это будетъ значить, что духовная или церковная школа, гдѣ приготавливаются пастыри церкви, беретъ дѣтей подъ свое руководство и воспитываетъ ихъ сообразно съ своими цѣлями—съ перваго же школьнаго года, такъ что и проектируемая авторомъ просеминарія бу-

дутъ точно также не школами духовенства, а школами церковными. А тогда число казеннокоштныхъ учениковъ должно увеличиться на столько, что сей часъ довольно трудно это и опредѣлить. Странно было бы, еслибы правительство, съ присоединеніемъ училища къ семинаріи, выдавало на содержаніе извѣстнаго числа воспитанниковъ только послѣднихъ 6 классовъ. Оно должно будетъ воспитывать на свой счетъ извѣстное число учениковъ и первыхъ 4 классовъ. А въ такомъ случаѣ оно должно будетъ выдавать на содержаніе воспитанниковъ, опять въ извѣстномъ числѣ, и проектируемыхъ авторомъ просеминарій; въ противномъ случаѣ по отношенію къ этимъ послѣднимъ оно было бы несправедливо. Но какихъ бы жертвъ ни потребовало предлагаемое авторомъ измѣненіе относительно училищъ, слѣдуетъ желать этого измѣненія и стремиться къ нему—и собственно не столько къ соединенію училищъ съ семинаріями, что часто неудобно и не важно, а къ преобразованію училищъ въ духовныя прогимназіи, равныя свѣтскимъ прогимназіямъ и по учебному плану, и по педагогическимъ силамъ, и по внѣшней, матеріальной обстановкѣ этихъ заведеній. Безъ этой перемѣны духовно-учебное дѣло никогда не достигнетъ желаемаго совершенства, каковы бы улучшения ни производились въ семинаріяхъ. Сознаніе необходимости улучшения училищъ, — есть основаніе думать, — свойственно и лицамъ высшаго духовно-учебнаго управленія: въ извѣстномъ журналѣ духовно-учебнаго комитета по вопросу о причинахъ упадка письменныхъ упражненій въ духовныхъ семинаріяхъ и о мѣрахъ къ улучшенію ихъ высказано, что одною изъ такихъ причинъ должно признать неподготовленность воспитанниковъ училищъ къ слушанію семинарскихъ уроковъ, а это происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что въ училищахъ состоятъ преподавателями лица съ среднимъ образованіемъ, что поэтому все болѣе и болѣе чувствуется нужда возвысить педагогическія силы нашихъ духовныхъ училищъ, призвавъ къ преподаванію въ нихъ лицъ съ высшимъ образованіемъ.

ВОСКРЕСНЯЯ БЕСѢДЫ.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Притча о неправедномъ судіи и оловѣ.

Лук. 18, 2—8.

Въ настоящую седмицу церковь предлагаетъ вниманію вѣрующихъ слѣдующую притчу:

Въ одномъ городѣ былъ судія, который Бога не боялся и людей не стыдился. Въ томъ же городѣ была нѣкоторая вдова; и она приходила къ нему говорила: защити меня отъ соперника моего. Но онъ долгое время не хотѣлъ. А послѣ сказалъ самъ въ себѣ: хотя я и Бога не боюсь, и людей не стыжусь; но какъ вдова сія не дастъ мнѣ покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мнѣ.

Не добрый человекъ былъ судія, упоминаемый въ притчѣ. Въ его городѣ жила несчастная вдова, которая терпѣла много обидъ и притѣсненій отъ недруга

своего, жаловалась она судѣ, и нужно бы суди защитить вдову отъ напрасныхъ обидъ. Этого требовалъ и законъ Божій, къ этому располагало и естественное чувство состраданія къ бѣдной, напрасно притѣсняемой вдовѣ. Но судія и Бога не боялся и людей не стыдился, и не хотѣлъ защитить вдовы. Но вдова не упала духомъ при отказахъ суди, а отъ тяжелой скорби и нужды продолжала ходить къ нему съ жалобами на врага и съ просьбою о защитѣ, и не давала покою судѣ. Хотя онъ и Бога не боялся и людей не стыдился, но неотступныя просьбы вдовы наскучили судѣ, и онъ исполнилъ просьбу вдовы затѣмъ только, чтобы она не докучала ему болѣе. И сказалъ Господь: слышите, что говоритъ судья неправедный; Богъ ли не защититъ избранныхъ своихъ, вопіющихъ къ нему день и ночь, хотя и медлитъ защищать ихъ? Сказываю вамъ, что подастъ имъ защиту вскорѣ. Неправедный судья уступилъ неотступнымъ просьбамъ вдовы, хотя сначала и не хотѣлъ слушать; Богъ есть нашъ отецъ всегда милосердый и любящій насъ: Онъ ли не услышитъ усердныхъ и неотступныхъ молитвъ вѣрующихъ въ Него и на Него одного возлагающихъ свою надежду? Одинъ недругъ былъ у вдовы, и только временныя наносилъ ей обиды и оскорбленія, а вдова неотступно просила помощи и защиты у неправеднаго суди; насъ отовсюду окружаютъ враги, не временныя только наносятъ намъ обиды, но вредятъ и вѣчному благосостоянію нашему; намъ ли не просить день и ночь помощи и защиты отъ враговъ нашихъ у Отца небеснаго, всегда милосердаго и любвеобильнаго къ намъ? Первые и самыя страшныя враги наши суть наши грѣховныя страсти и порочныя привычки: у инаго гордость, у другаго сластолюбіе, у инаго скупость, у инаго расточительность; то гнѣвъ, то завистливость, то инныя страсти терзаютъ душу нашу, оскорбляютъ совѣсть нашу, сквернятъ и духъ и тѣло. И сами мы, своими силами не можемъ одолѣть этихъ враговъ; безъ помощи Божіей, сколько бы мы ни старались искоренить страсти, всегда онѣ будутъ жить въ насъ; и потому только къ Господу нужно прибѣгать съ смиренною и непрестанною молитвою, чтобы Онъ Самъ Своєю благодатію помогъ намъ избавиться отъ губительныхъ страстей нашихъ. Встрѣчаютъ добрыя христіане притѣсненія и отъ худыхъ людей; всего чаще доброму рѣдко дается счастье земной жизни, худой человѣкъ, проницательный и недобросовѣстный, происками и нечестными поступками пріобрѣтаетъ себѣ и власть, и богатство, тѣснитъ добрыхъ и смѣется надъ добротою и простотою честныхъ христіанъ, и тѣмъ смущаетъ духъ ихъ. И въ сихъ случаяхъ иной помощи и защиты искать негдѣ, кромѣ Господа, и жаловаться некому изъ людей, а должно возвергать печаль свою на Господа, и предъ нимъ однимъ въ молитвѣ изливать скорбь свою и просить отъ него душевной крѣпости и мира. Золь на вѣрующихъ врагъ нашъ діаволъ, злохитростны козни его на уловленіе и погубленіе вѣрующихъ; намъ своими силами не одолѣть его, намъ своимъ умомъ не всегда удается распознать и козни его. Святѣйшее имя Господа Иисуса Христа и теплая, непрестанная молитва къ Нему суть единственное ограж-

деніе и защита наша отъ козней діавола. Медлитъ иногда Господь оказывать намъ помощь при обуреваніи страстями, при нападахъ злыхъ людей, при искушеніяхъ діавольскихъ, но медлитъ не потому, что не хочетъ помочь намъ, а затѣмъ медлитъ. Онъ, чтобы мы сильнѣе восчувствовали тяжесть страстей обуревающихъ насъ, искреннѣе сознали свою немощь и безсиліе побороть ихъ своими усиліями, и тѣмъ усерднѣе прибѣгали къ помощи Господа, на Него одного возлагали свою надежду. Равно и при навітахъ отъ злыхъ людей и при разныхъ несчастіяхъ медлитъ иногда Господь помогать намъ, затѣмъ чтобы сломить наше самолюбіе и своенравіе, пріучить насъ къ терпѣнію, и расположить сердце наше надѣяться не на себя, не на свои силы и умѣнье, а самихъ себя, и всю жизнь нашу предавать волѣ Божіей, съ такою же полною преданностію, съ какою дитя при видѣ опасности бросается на лоно матери своей. Потому если и медлитъ иногда Господь исполнять прошенія рабовъ своихъ, то медлитъ для ихъ же пользы; и мы никогда не должны приходиться въ малодушіе и уныніе, какъ будто Богъ совѣмъ забылъ и оставилъ насъ, и съ непрерывнымъ усердіемъ и теплотою сердца должны возносить къ Нему мольбы наши о избавленіи отъ враговъ нашихъ: отъ страстей, отъ притѣсненія злыхъ людей и отъ козней діавола, и помощь Божія не замедлитъ придти къ намъ, сила Божія поможетъ намъ одолѣть страсти, оградитъ отъ злыхъ людей и избавитъ отъ скорбей. Богъ ли не защититъ избранныхъ своихъ, вопіющихъ къ Нему день и ночь, хотя и медлитъ защищать ихъ. Сказываю вамъ, что подастъ имъ защиту вскорѣ, сказалъ Господь. Аминь.

БЕСѢДА ТРЕТЬЯ.

Притча о Мытарѣ и Фарисей;

Лук. 18, 10—14.

Слышали мы нынѣ въ Евангеліи притчу, сказанную Господомъ къ тѣмъ, которые увѣрены о себѣ, что они праведны, и уничижаютъ другихъ.

Два человѣка вошли въ храмъ помолиться: одинъ фарисей, а другой мытарь. Фарисей сталъ молиться самъ въ себѣ такъ: Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди,—грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ сей мытарь. Поцусь два раза на недѣлѣ, даю десятую часть всего, что пріобрѣтаю. Мытарь же стоя вдали не смѣлъ поднять даже глазъ на небо, но ударяя себя въ грудь говорилъ: Боже, будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику. Сказываю вамъ, что сей пошелъ оправданнымъ въ домъ свой болѣе нежели тотъ.

Фарисей, по видимому, велъ хорошую жизнь: онъ ходилъ въ храмъ молиться Богу, постился два дня въ недѣлю, отдавалъ въ храмъ Божій десятую часть изъ всего, что получалъ, и дѣлалъ это по усердію, дѣлалъ больше, нежели сколько требовалъ законъ. Кромѣ того онъ благодаритъ Бога за то, что онъ не грабитель, не обидчикъ, не прелюбодѣй. Но если всмотрѣться по внимательнѣе въ слова фарисея, легко увидѣть, о добрая, по видимому, жизнь его хороша только для

вида; что она исходитъ не изъ глубины благочестиваго сердца, а отъ другихъ побужденій. Онъ пересчитываетъ предъ Богомъ добрыя дѣла свои, и при самомъ перечисленіи ихъ осуждаетъ другихъ, какъ грабителей, обидчиковъ, прелюбодѣевъ, не имѣя возможности знать внутреннее состояніе каждаго; съ презрѣніемъ отзывается онъ о находящемся въ храмѣ и молящемся мытарѣ, не имѣя возможности проникнуть, какія молитвы приносятъ мытарь, какія чувства волнуютъ его сердце. Значитъ въ душѣ фарисея не было снисхожденія къ ближнему, не было совѣтъ познанія и о своей душѣ. Фарисей былъ доволенъ собою, доволенъ своими добродѣтелями, а такое довольство собою можно назвать душевнымъ усыпленіемъ: кто доволенъ собою, тотъ не желаетъ для себя лучшаго, и не стремится сдѣлаться лучшимъ. А между тѣмъ человекъ созданъ для постоянного, безконечнаго усовершенія; кто не идетъ впередъ по пути добродѣтели, тотъ или на время уснулъ, или даже движется назадъ. Еще хуже то, что фарисей хвалился въ молитвѣ предъ Богомъ своими добродѣтелями. Что значатъ наши добродѣтели предъ Богомъ? Богу ли нужны посты наши? Богу ли имѣть нужду въ приношеніяхъ и десятинахъ нашихъ? Нѣтъ, постъ нуженъ намъ самимъ, чтобы легче было намъ бороться съ нашею грѣховною плотію; молитвы нужны намъ самимъ, потому что молитва есть пища для души, есть дыханіе духовной жизни, а Богъ знаетъ нужды наши и безъ молитвъ нашихъ, какъ же хвалиться добродѣтелью, когда она необходима для насъ? Можно ли хвалиться тѣмъ, что есть у насъ пища и одежда, когда безъ пищи и одежды и жить мы не можемъ? Потому молитва фарисея и не была пріятна Богу, что онъ даже въ молитвѣ предъ лицемъ Божиимъ высказывалъ пренебреженіе къ ближнимъ и осужденіе ихъ, показывалъ въ себѣ убивающее душу самодовольство, и какъ особенною заслугою своею выставялъ тѣ добродѣтели, которыя долженъ имѣть каждый.

Много и между нами такихъ, которые говорятъ о себѣ, что зла они не дѣлаютъ, въ церковь ходятъ, посты соблюдаютъ, по силѣ своей подаютъ милостыню, ежегодно говѣютъ и думаютъ, что отъ нихъ ничего болѣе и не требуется. Во всемъ сходны они съ упоминаемымъ въ притчѣ самодовольнымъ фарисеемъ, и съ нимъ вмѣстѣ подвергнутся осужденію отъ Господа. Не гордость и самодовольство пролагаютъ путь къ небесамъ, а постоянное, глубокое сознаніе грѣховной нечистоты своего сердца, и глубокое убѣжденіе въ своемъ безсиліи сдѣлать что-либо доброе.

Отчего мытарь, пришедшій въ храмъ помолиться, всталъ одинъ у дверей храма? Отчего не можетъ онъ поднять глазъ своихъ къ небу? Отчего съ силою ударяетъ онъ себя въ грудь, и съ сердечнымъ воплемъ проситъ у Бога только помилованія? Оттого, что онъ живо сознаетъ, какъ много неправды и обиды дѣлалъ ближнимъ, когда вымогалъ подати въ увеличенномъ размѣрѣ. Оттого, что въ людяхъ постоянно встрѣчалъ онъ къ себѣ презрѣніе и негодованіе, а теперь стоитъ предъ лицемъ Святѣйшаго и праведнаго Бога, и трепетъ обнимаетъ сердце его отъ сознанія его неправильной и нечистой жизни. Въ чувствѣ живаго и глубокаго со-

знанія своей нечистоты и неправды онъ не можетъ даже искать въ дѣлахъ своей жизни какого-либо оправданія для себя, не находитъ возможнымъ сказать Господу: Не хорошо я поступалъ въ сборѣ податей, но за то честно исполнялъ другія обязанности мои семейныя и гражданскія; при живомъ сознаніи своей грѣховности онъ видитъ только вины и неправды свои предъ Богомъ и людьми, и проситъ у Бога только помилованія, какъ преступникъ, — прощенія, какъ во всемъ виновный, — очищенія, какъ во всемъ нечистый, и молитва мытаря исходатайствовала ему у Бога и оправданіе, и прощеніе, и очищеніе. Почему? потому что душа, живо сознающая свое грѣховное недостоинство и нечистоту, сама не станетъ долѣе оставаться въ тѣхъ же порокахъ и неправдахъ, если она сознаетъ всю тяжесть и нечистоту грѣховной жизни; такая жизнь становится для нея омерзительною, она желаетъ вести лучшую жизнь, и пока будетъ въ душѣ оставаться живое сознаніе ея грѣховъ, душа все сильнѣе будетъ желать исправленія жизни, постоянно стремиться къ пріобрѣтенію лучшихъ и лучшихъ мыслей и дѣлъ. Такимъ образомъ смиренное сознаніе своихъ немощей, грѣховности мыслей и поступковъ служитъ основаніемъ и главнѣйшимъ побужденіемъ къ исправленію и усовершенію жизни. Такъ и Господь сказалъ въ концѣ притчи: всякій возвышающій самъ себя, съ удовольствіемъ и похвалбою взирающій на свою жизнь будетъ униженъ, потому что и не захочетъ идти выше по своему самодовольству; а унижающій себя сознаніемъ въ себѣ только недостатковъ и грѣховности, возвысится, потому что и самъ пожелаетъ освободиться отъ нечистоты пороковъ. Аминь.

ВНУТРЕННІЙ ОТДѢЛЪ.
Речь къ новобранцамъ, сказанная Дмитровскаго уѣзда, села Рогачева, священникомъ Порфиріемъ Флеровымъ, по приведеніи ихъ къ присягѣ 12 декабря 1876 года. Возлюбленные новобранцы! Вы сейчасъ всѣ приведены къ присягѣ, и уже въ залогъ своей вѣрности служить царю и отечеству, облобызали святой крестъ и драгоцѣннѣйшія слова Самого Господа. Словомъ, съ сей минуты вы стали называться воинами. Позвольте мнѣ, по долгу пастырства, сказать вамъ паутственное слово при вступленіи вашемъ на новое общественное поприще.

Не легкое ложится на васъ бремя. Не мало потребуется силы и терпѣнія, какъ должно, снести его. Не мирная, раздольная, лучшая домашней ждетъ васъ жизнь впереди; можетъ быть въ недалекомъ будущемъ придется вамъ терпѣть и холодъ, и голодъ, и разнаго рода лишенія. Но что же дѣлать; не вы первые, вступающіе на сіе поприще, не вы и послѣдніе. Уновайте на Бога и съ миромъ примите свой удѣлъ. Вспомните: вы будете служить царю, а его за вами взоръ есть самый заботливый, отеческій. Вы понесете тяжелое бремя за отечество, — а въ отечествѣ у васъ остаются родители и родные, которые въ бурныя времена за вами будутъ жить въ покоѣ, какъ за каменною стѣною. Не оставьте безъ вниманія и то, что вы, какъ вѣрныя чада православной вѣры, становитесь на защиту единой святой Церкви, — а ея непрестанная молитва о васъ не есть ли великая награда вамъ?

Да не смущается сердце ваше, ниже духъ вашъ унываетъ. Пусть сердцемъ вашимъ овладѣетъ духъ бодрый, готовый мужественно идти даже и на самую смерть. Проникнитесь любовію къ царю и преданностью отечеству. Поревнуйте о святой православной Церкви, дабы она безмятежно совершала свои молитвословія о васъ, и по истинѣ говорю вамъ: время ваше будетъ благо и легко. А чтобы вамъ на будущихъ подвигахъ вашихъ оказаться воистину добрыми воинами, соблюдайте строго слово Евангелія, еже отвѣщаетъ вопрошающимъ воинамъ: что сотворить? «Никого же обидите, ни оклеветайте: и довольно будите оброки вашимъ» (Лук. III гл. 14 ст.).

Однимъ изъ петербургскихъ медиковъ собранъ богатый матеріалъ относительно причинъ умножающихся самоубійствъ и помѣшательствъ. Медикъ, по словамъ *С. - Петербургскихъ Вѣдомостей*, пришелъ къ заключенію, что увеличеніе числа этихъ случаевъ находится въ связи съ возрастающимъ пьянствомъ и что оно является несомнѣнно ихъ причиною. Этотъ грустный вопросъ, впрочемъ, еще ранѣе разъясненъ изслѣдованіями ученыхъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Вопросъ о пьянствѣ въ различныхъ государствахъ составлялъ предметъ серьезныхъ обсужденій на международномъ конгрессѣ гигиены въ Брюсселѣ, когда на очереди былъ вопросъ: объ опасности злоупотребленія спиртуозными напитками и о средствахъ противъ этого; слѣдуетъ ли прибѣгать къ законодательнымъ или административнымъ постановленіямъ для противодѣйствія этому злу? Докладчикъ, докторъ Дегенъ, произнесъ по этому поводу рѣчь, въ которой высказалъ убѣжденіе, что необходимо, по возможности, содѣйствовать уменьшенію потребленія спиртуозныхъ напитковъ, для чего необходимо учрежденіе санитарной полиціи. Ораторъ признаетъ развитіе просвѣщенія въ народѣ наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ пьянства и настаиваетъ на введеніи обязательнаго обученія; въ программахъ школъ необходимо удѣлить мѣсто гигиенѣ. Сверхъ того, за появленіе въ пьяномъ видѣ въ публичномъ мѣстѣ должно слѣдовать строгое наказаніе, какъ за покушеніе на общественную нравственность. Президентъ конгресса Вервортъ, въ подтвержденіе послѣдняго довода оратора, привелъ въ примѣръ многіе большіе города Бельгіи, въ которыхъ появившійся пьянымъ на улицѣ или въ другомъ публичномъ мѣстѣ наказывается денежнымъ штрафомъ отъ 5-ти до 10-ти франковъ и тюремнымъ заключеніемъ отъ одного до пяти дней. Содержатели кабаковъ, отпускающіе напитки пьянымъ или позволяющіе напиться до состоянія опьяненія, подвергаются такому же штрафу. Мѣра эта оказалась очень полезною. Но главное противоядіе пьянству— народное просвѣщеніе. Пьянство не составляетъ законодательнаго вопроса,—это вопросъ нравовъ; съ нимъ необходимо бороться посредствомъ школы. Докторъ Крюкъ считаетъ вопросъ о пьянствѣ главнымъ социальнымъ вопросомъ. Алкоголь—соціальный ядъ, угрожающій истребленіемъ общества; въ подтвержденіе своихъ словъ медикъ изложилъ весь вредъ, причиняемый организму алкоголемъ, употребленіе котораго парализуетъ отравленія многіхъ органовъ, особенно же нервныхъ центровъ, мозга и спиннаго хребта. Алкоголь—ядъ, употребленіе котораго, къ несчастію, все болѣе распространяется и ведетъ къ самоубійству. Тридцать лѣтъ тому назадъ болѣзни мозга или спиннаго хребта были рѣдкостью; нынѣ госпитали наполнены людьми, одержимыми этими неду-

гами; пьянство приняло такіе размѣры, что если оно будетъ продолжаться въ такомъ же размѣрѣ, то мы быстро пойдемъ навстрѣчу варварства, къ уничтоженію цивилизаціи. Пьянство—болѣзнь наследственная. Какой интересъ имѣютъ науки, искусства для человѣка, одержимаго пьянствомъ? Никакого. Это доказано парижскою коммунаю, которая выражалась разрушеніемъ памятниковъ, твореній гениальности. Кто же виноватъ въ этомъ? Только алкоголь. Для противодѣйствія этому злу, въ Англіи устроили общества трезвости. Общества эти оказали несомнѣнныя услуги, но у нихъ одинъ главный недостатокъ—ихъ исключительность. Они требуютъ отъ своихъ членовъ обязательствъ пить только воду. Но такъ какъ цивилизованный человѣкъ нуждается въ извѣстныхъ укрѣпляющихъ напиткахъ, и природа и промышленность создаютъ полезные напитки, умѣренное употребленіе которыхъ даже полезно, на примѣръ, вино, пиво, кофе,—то безусловная воздержность положительно вредна. Ораторъ порицалъ налогъ на пиво; если народъ пьетъ водку, то болѣею частію потому, что пиво слишкомъ дорого. Необходимо выборъ между гуманитарными и фискальными соображеніями. Впрочемъ, алкоголь стоитъ государству гораздо болѣе, чѣмъ даетъ ему доходовъ. Люди, умирающіе ранѣе времени, ослабленіе умственной дѣятельности—все эти утраченныя силы развѣ не составляютъ громадной потери для общества, развѣ онѣ окупаются акцизомъ съ вина?

Священникъ села Хмѣлинки, кирсановскаго уѣзда, Георгій Діевъ возбудилъ вопросъ о томъ: могутъ ли священники, при сношеніяхъ съ официальными мѣстами и лицами, пересылать по почтѣ свои бумаги безъ платежа въсовыхъ пошлинъ. На сообщеніе Тамбовской духовной консисторіи управляющей почтовою частью въ тамбовской губерніи 1 мая 1876 года за № 2680 увѣдомилъ Тамбовскую духовную консисторію, что по силѣ § 16 приложенія къ ст. 20, вѣдомости № 1, сборн. почтовыхъ постановленій и распоряженій, разрѣшено принимать на почту безъ платежа въсовыхъ денегъ казенные пакеты священно-церковно-служителей въ духовныя консисторіи и правленія, благотворнымъ и въ прочія мѣста по дѣламъ службы и по исполненію возложенныхъ на нихъ порученій, но съ тѣмъ, чтобы на каждомъ письмѣ или пакетѣ, по казенному дѣлу, отправляемомъ съ почтою, была надпись «въ такое-то мѣсто или такому-то лицу отъ такого-то священника» и корреспонденція запечатана церковною печатію. Въ виду сего онъ находилъ, что св. Діевъ имѣлъ полное право переслать собранныя имъ въ пользу южныхъ славянъ деньги безъ платежа въсовыхъ, съ платою только страховыхъ и за росписку 5 коп. Кирсановская уѣздная земская управа 24 августа 1876 г., за № 2203, увѣдомила консисторію, что священники какъ простую, такъ и денежную корреспонденцію съ официальными мѣстами и лицами могутъ пересылать по земской почтѣ бесплатно; при семъ присовокупила, что земство гарантируетъ денежной корреспонденціи не свыше десяти рублей.

15 декабря сего года, въ 10 часовъ утра, въ Бабаевомъ монастырѣ, Костромской епархіи, послѣ внезапной болѣзни, скончался высокопреосвященнѣйшій Леонидъ, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій, на 60 году отъ рожденія. Пути Провидѣнія Божія, непостижимые для человѣческаго разума въ жизни каждаго изъ насъ, особенно удивительнымъ

и недостижимымъ образомъ сложились во всей жизни почившаго архипастыря. Родившійся въ 1817 году отъ потомственнаго дворянина, товарища генерал-майора, получившій образование и воспитаніе въ одномъ изъ высшихъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, именно въ торномъ кадетскомъ корпусѣ, послужившій первоначально отечеству въ званіи флотскаго офицера, въ чинахъ мичмана и лейтенанта 14-го флотскаго экипажа Балтійскаго моря, — Левъ Васильевичъ Красноплечовъ (мірское имя и фамилія почившаго), по вседневному сердечному увлеченію къ усвоенію высшей богословской истины, оставилъ флотскую службу, съ ея заманчивымъ будущимъ, для скромной скамьи и доли студентовъ сначала Петербургской, а потомъ Московской академіи. Здѣсь истина сказалась его воспримчивому уму и глубоко религіозному сердцу, и побудила его искать олицетворенія оной въ иноческой жизни. По окончаніи академическаго курса въ 1842 г. сначала со степенью кандидата, а потомъ магистра богословія, опредѣленный наставникомъ духовнаго юношества въ Спасо-Вианскую семинарію, основанную митрополитомъ Платономъ, — молодой морякъ-профессоръ пожелалъ принять санъ ипосекій, и вотъ, въ 1845 году, при мощахъ преподобнаго Сергія, въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, было совершено его постриженіе съ переменною мірскаго имени Левъ — на новое Леонидъ, — по уставу монашескому. Отсѣлъ онъ отреченіемъ отъ плавания по волнамъ моря Житейскаго, выну обуреваемого напастей бурей, — какъ прежде, изъ горячаго стремленія и любви къ высшей идее, отреченіемъ отъ путешествій по волнамъ неустойчивой морской стихіи, и могъ теперь сказать о себѣ, что притекъ къ тихому пристанищу, — подъ свѣтъ церкви и алтаря, — подъ надежную охрану молитвы, вѣры и любви. Дальнѣйшая многообразная дѣятельность почившаго преосвященнаго, то въ качествѣ бакалавра академіи, давшей ему высшее богословское образованіе, то въ санѣ архимандрита — ректора двухъ семинарій Московской епархіи, — и преемственно настоятеля двухъ монастырей Златоустова и ставропигіальнаго Законосасскаго, — обнимаетъ собою періодъ времени, преимущественно посвященнаго образованію и воспитанію духовнаго юношества и келейной религіозной жизни съ 1848 по 1859 годъ.

Въ 1859-мъ году ему суждено было свыше воспріять сугубую благодать священства, — новый высшій подвигъ служенія церкви и отечеству. 26 апрѣля 1859 года, въ Успенскомъ соборѣ торжественно совершена хиротонія ректора Московской семинаріи, архимандрита Леонида, въ санъ епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго, совершена теперь тоже въ Бозѣ почившими митрополитами Московскимъ — Филаретомъ и Овладскимъ Николаемъ, синодальными членами — архіепископомъ Евгениемъ и епископомъ Томскимъ Порфиріемъ, бывшимъ до сего викаріемъ Московскимъ. Думалъ ли ново-рукополагаемый епископъ въ этотъ знаменательный для себя день, въ эти священнѣйшія минуты своей жизни, что ему суждено будетъ въ послѣдствіи занять ту самую древнюю епископскую кафедру, которая была освята свѣтителемъ Дмитріемъ Ростовскаго и которую болѣе или менѣе долгое время занимали двое изъ рукополагавшихъ его іерарховъ, — занять на столь короткое время, съ небольшимъ только на полгода, и почти внезапно свончаться на границахъ своей епархіи въ скромной обители Ростромской епархіи? Но пути Господни —

не какъ пути человѣческіе, и судьбы его — непостижимы. Кто убо уразумѣлъ Господень?!. 17-ты лѣтъ епископскаго викарнаго служенія почившаго преосвященнаго, съ апрѣля 1859 года по май 1876 года, мирно и безмятежно прошли подъ руководствомъ двухъ великихъ Московскихъ іерарховъ — Филарета, въ Бозѣ почившаго (19 ноября 1867 года) и нынѣ маститаго, но вожделѣнно здравствующаго и право-правящаго слово истины, іерарха Иннокентія. Чувства глубокой любви, сердечнаго уваженія и преданности по отношенію къ нимъ, неизмѣннаго повиновенія къ ихъ мудрымъ распоряженіямъ, какъ извѣстно, всегда и во всемъ отличали его немаловременное 17-ти-лѣтнее викаріатство и епископство. Въ одинъ изъ скорбныхъ годовъ для Московской церкви означеннаго періода, именно 19 ноября 1867 года, — онъ вмѣстѣ съ преосвященнѣйшимъ Игнатіемъ — другимъ викаріемъ, — былъ, такъ сказать, первымъ свидѣтелемъ блаженной кончины высокопреосвященнѣйшаго Филарета, и главнымъ распорядителемъ торжественно-грустной похоронной его процессіи, а въ слѣдующемъ году, въ одинъ изъ майскихъ свѣтлыхъ дней, — торжественно радостной встрѣчи новаго архипастыря Московскаго. 15-го мая текущаго года старшій викарій Московскій Высочайше былъ назначенъ, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа, на древнюю Ростовско-Ярославскую кафедру, на которой ему суждено было дѣйствовать такъ недолго.

Какъ бы предчувствуя свою близкую кончину, высокопреосвященный Леонидъ, — во второй половинѣ ноября сего года, въ послѣдній разъ посетилъ столь любимую имъ Москву по дѣламъ постройки храма Христа Спасителя, въ качествѣ члена комиссіи оной. Здѣсь въ послѣдній разъ онъ простился съ Московскимъ архипастыремъ, отъѣзжавшимъ 23-го числа въ Петербургъ для присутствія въ Святѣйшемъ Синодѣ, — съ нѣжно любимымъ имъ Московскимъ духовенствомъ, — со всеми близкими и дорогими его сердцу родными и знакомыми. Черезъ три недѣли послѣ него, преосвященнаго не стало, — Господь преселилъ его изъ сей юдоли — въ страну живыхъ!

Не станемъ распространяться здѣсь о свѣтлыхъ сторонахъ характера въ Бозѣ почившаго архипастыря — всегда благороднаго, общительнаго, любящаго, милосердаго къ бѣднымъ, глубоко-религіознаго, — и его неустанно-ревностной дѣятельности на служеніе церкви и обществу, — постоянно отличаемой Высочайшими монаршими наградами *).

Московское духовенство и общество живо помнятъ еще торжественные проводы чтимаго имъ старшаго викарія Московскаго — на новое мѣсто его служенія. Въ прощальныхъ рѣчахъ, сказанныхъ по сему случаю представителями Московскаго духовенства за прощальнымъ обѣдомъ 27-го іюня, ярко и рельефно выставили какъ въ зеркалѣ, — все чистое, доброе и свѣтлое въ его духовной жизни и дѣятельности по отношенію къ церкви, духовенству и обществу. Мы можемъ прибавить къ этому только одно, что почившій архипастырь, яко подобаетъ доброму и вѣрному рабу Господню, въ продолженіе всего немалаго времени своего многообразнаго и многотруднаго служенія — государственнаго, общественнаго, церковнаго, — всегда подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе

*) Покойный архіепископъ Леонидъ имѣлъ слѣдующіе высшіе знаки отличія — ордены: св. Анны 1-й степени, Владимира 2-й степени и Черногорскаго Данила 1-й степени.

скончалъ, вѣру соблюлъ... Пусть же царствующій градъ св. Петра, Троицко-Сергіева лавра, первопрестольный градъ Москва, древній Ростовъ и Ярославль, главнымъ образомъ служившіе центромъ его благоплодной дѣятельности, — помолитъ Верховному Пастыреначальнику, — да даруетъ въ Бозѣ почившему вѣнецъ правды, уготованный всѣмъ любящимъ Его, — и да помянетъ архіерейство его во царствіи Своёмъ! *)

С. I. Н.

16 дек. 1876 г.

Высокопреосвященный Антоній (некрологъ). Высокопреосвященный Антоній бывшій архіепископъ Пермскій, уволенный за болѣзнь на покой, съ назначеніемъ ему мѣстопребыванія въ Московскомъ Даниловскомъ монастырѣ, скончался здѣсь, 21 декабря. Въ Москву онъ прибылъ 1 декабря и 6 числа, въ праздникъ Николая Чудотворца, служилъ литургію въ Даниловомъ монастырѣ и на другой день посѣтилъ преосвященныхъ викаріевъ; 12 числа выѣзжалъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ, въ ожиданіи прибытія митрополита Кіевского Филоея, велъ бесѣду съ отцами протоіереями, бывшими своими товарищами по академическому образованію или по семинарской службѣ. Въ тотъ день высокопреосвященный Антоній казался бодрымъ, но въ послѣдніе дни замѣтенъ былъ въ немъ упадокъ силъ. 21 декабря, въ день преставленія первосвятителя Московскаго Петра, высокопреосвященный почувствовалъ утромъ стѣсненіе въ груди и вскорѣ потомъ тихо скончался.

Высокопреосвященный архіепископъ Аванасій (Некрологъ). 7-го декабря въ 1 ч. по полудни, скончался въ Астрахани, въ Иоанно-Предтеченскомъ монастырѣ, проживавшій тамъ на покой, высокопреосвященный архіепископъ Аванасій Дроздовъ, бывшій Астраханскій, на 77 году отъ рожденія. Высокопреосвященный Аванасій, магистръ 4 курса Московской духовной академіи, 1824 года, какъ видно изъ послужнаго его списка, постриженъ въ монашество въ 1823 году и въ томъ же году, октября 20 посвященъ во іеромонаха; въ 1828 г. возведенъ въ санъ архимандрита Нижнеомовскаго Казанскаго монастыря и назначенъ ректоромъ Пензенской духовной семинаріи; въ 1829 г. ректоромъ Костромской духовной семинаріи и настоятелемъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря; въ 1838 г. ректоромъ Казанской семинаріи и настоятелемъ рязанскаго Спасскаго монастыря; въ 1840 году, ректоромъ Одесской семинаріи и настоятелемъ Одесскаго Успенскаго монастыря и въ 1841 году ректоромъ Петербургской духовной академіи и настоятелемъ Шаргородскаго Николаевскаго монастыря, Подольской епархіи; въ 1842 г. августа 15, хиротонисанъ во епископа Винницкаго, съ оставленіемъ и ректоромъ академіи, въ 1847 г. января 13 перемѣщенъ на Саратовскую кафедру, а въ 1856 г. апрѣля 15 на Астраханскую, съ возведеніемъ въ 1858 г. въ санъ архіепископа; съ 1859 по 1860 годъ присутствовалъ во Св. Синодѣ. Въ 1870 году апрѣля 6 преосв. Аванасій, по болѣзненному состоянію былъ уволенъ отъ управленія епархіею и удаленъ на покой въ Астраханскій Покрово-

*) Въ Бозѣ почившій архіепископъ Леонидъ состоялъ почетнымъ членомъ Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, и замѣчательно, что первую, горестную вѣсть объ его кончинѣ — услышали члены этого Общества въ своемъ чередномъ, вечернемъ засѣданіи, 15 декабря, въ самый день его кончины.

Болдинскій монастырь, а въ 1872 г. перемѣстился въ Предтеченскій. Въ Астрахани, его трудами и заботами основано женское епархіяльное училище. Почившій іерархъ по своимъ рѣдкимъ духовнымъ дарованіямъ, изумительной и многосторонней учености и по своей энергіи и жадѣ умственного труда, съ лѣтами и болѣзью нисколько не ослабѣвшими, принадлежалъ къ замѣчательнымъ духовнымъ дѣятелямъ. Послѣ его смерти осталось не мало сочиненій въ рукописяхъ. Послѣднее его желаніе было умереть въ Москвѣ, куда онъ стремился удалиться на покой, но болѣзнь не допустила исполнить его желаніе.

Пожертвованіе въ пользу страждущихъ Славянъ.

Московскаго уѣзда села Никульскаго Николаевской церкви отъ священника Іоанна Хитрова, въ пользу турецкихъ славянъ три рубли двадцать восемь коп. (3 р. 28 к.).

Отъ ректора Московской семинаріи.

Выдача классныхъ окладовъ за вторую половину сего 1876 года имѣть производиться въ канцеляріи семинарскаго правленія 10—12 числа января будущаго 1877 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «ДРУГЪ НАРОДА» НА 1877 ГОДЪ.
ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

Въ составъ газеты «Другъ Народа» въ 1877 г. войдутъ:

1) текуція правительственныя распоряженія, извлеченіе изъ существующихъ законоположеній въ общепонятной формѣ; статьи по народному образованію; статьи, относящіяся къ отечественной войнѣ 1812 года г. съ подробнымъ изложеніемъ свѣдѣній о бѣгствѣ французовъ изъ Россіи; статьи по текущимъ политическимъ дѣламъ; статьи, относящіяся къ пчеловодству, лѣсоводству, садоводству и разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства; статьи, касающіяся такъ называемой кустарной промышленности и разныхъ промысловъ, а также разныхъ техническихъ производствъ; статьи по отечественнѣдѣнію, естествовѣдѣнію, медицинѣ и по домоводству. Обзорніе вновь вышедшихъ книгъ. Внутреннее и иностранное обзорніе. Разныя извѣстія.

Подписка принимается въ Кіевѣ, въ Редакціи газеты «Другъ Народа», при Кіевской 1-й гимназіи. Цѣна за годовое изданіе три рубля; сельскимъ священникамъ, народнымъ учителямъ и крестьянамъ — два рубля съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи.

ПОСЛѢДОВАНИЕ БОЖЕСТВЕННЫЯ ЛИТУРГІИ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО И ЛѢВЫЙ ЛИКЪ НА ЛИТУРГІИ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО. РОСНѢВЪ ДРЕВНЕКІЕВСКІЙ.

Составлено и на голоса положено по потнымъ церковнымъ книгамъ, изданнымъ по благословенію Св. Синода первымъ тисненіемъ въ Москвѣ, въ 1772 году, и нынѣ правленнымъ противу древнихъ безлинейныхъ (врюковыхъ) рукописей до XVIII столѣтія включительно Н. М. Потуловымъ. Съ портретомъ Н. М. Потулова и съ предисловіемъ. Перепечатано изъ VI том. вып. 2-го «Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества».

Продается въ Москвѣ, въ Бол. Грузинской, въ д. Даля; у Е. А. Потуловой, и во всѣхъ музыкальныхъ и книжныхъ магазинахъ. Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

При семь прилагается 38-й № Официальнаго отдѣла.

Редакторъ священникъ
В. Р о ж д е с т в е н с к і й.

Типографія П. А. Лебедева.
На Донской улицѣ, домъ Зоркиной.

Цензоръ
Архимандритъ Амфилохій.